

* * *

Солдат фортуны Гонсало де Варгас присел и заботливо стряхнул пыль с рыжеватых сапог.

Сапоги у него появились недавно – их прежний хозяин остался у горного перевала, рассматривать лёгкие облачка неподвижными глазами. Бедняге повезло – он почти не мучился. А Гонсало повезло ещё больше: сапоги пришлись ему как раз по ноге, и солдат легко зашагал по ржаво-красной земле этой варварской страны. «Вот бы ещё коня», – думал он, и конь услужливо появлялся в скупом воображении де Варгаса: нетерпеливо грыз уздечку, помахивал хвостом. Его конь.

Совсем рядом, в красной долине, солдата ждал сказочный город.

Индейцы называли его «Куско». Про этот город плели такие рассказы, что у де Варгаса начинало стучать в висках и жечь внутри, будто от сильной жажды. Говорили, Куско – это центр мира, а золота там столько, что даже мощные стены покрыты им. «Моё сердце поражено страшным недугом, и вылечить его может только золото», – с усмешкой подумал де Варгас. Он прислонился к тёплой скале и закрыл глаза. Золото – вот бог, творящий чудеса, превративший грязного свинопаса из Саламанки в бесстрашного солдата. И если повезёт, этот бог ещё увидит, как блистательный дон Гонсало будет пить вино из золотых кубков, спать на реннских простынях и лихо носить за поясом мягкие перчатки из Кордобы.

До других богов солдату не было дела. И богам до него, наверное – тоже. Куда, скажите, смотрел всевышний, когда пьяный капитан де Варгас по прозвищу «Длинный» соблазнил глупую, полнотелую Инес Каско, служанку монастыря Пуэрта-де-Кориа? Создатель, верно, повернулся спиной к тяжёлым стенам обители – а в это время Инес проворно лишилась девственности и столь же расторопно понесла. Она бродила по коридорам монастыря в душном облачке животного ужаса и страсти, едва понимая обращённые к ней слова – и достаточно скоро нехитрая её тайна была раскрыта. Инес оказалась за забором, де Варгаса-старшего простыл и след – и выгнанная кастелянша заковыляла по узкой тропе к дому матери, иногда останавливаясь от давящей на грудь тошноты, с надрывным кашлем наклоняясь над придорожной травой. Так началась бурная жизнь Гонсало де Варгаса, стремительно выхватившая мальчишку из тихой испанской деревушки, чтобы забросить его в бойню под Миланом – а потом в Новый Свет, к войнам, болезням и варварам. Солдат фортуны был равнодушен к чудесам этих земель – невиданным городам, заснеженным вершинам и лиановым лесам. Он яростно гнался за величественным доном, давно представшим ему в мечтах – за новым Гонсало де Варгасом: солдат уже видел, как растерянно хлопает глазами его постаревшая мать, как будут яростно шептаться соседи, не веря, что ослепительный господин – это и есть неграмотный байстрюк, долго сносивший их насмешки. И Гонсало настойчиво шагал вперёд – навстречу своему мерцающему богу, навстречу сиятельному дону де Варгасу, навстречу заветным перчаткам, прочно захватившим его воображение.

Ночи в этих горах были чертовски холодны. Даже выдавший виды де Варгас долго не мог уснуть. Завтра – Куско, и фортуна решит, набивать ли ему карманы, сумки и сапоги золотом – или неподвижно лежать на этой красной земле в луже крови, под ногами других везунчиков, сгребаящих добычу.

Но фортуна помогла своему солдату: войско инков, потрёпанное небольшой испанской конницей, этой ночью тихо ушло, и в городе остались только мирные жители, ошалело глазевшие на лошадей, на волосатые лица пришельцев, на их сверкающие шлемы... Де Варгас ненадолго опешил от непривычного величия, чистоты и порядка – прямые улицы, каменные дома, тихое журчание воды. С холма на пришельцев мрачно смотрела какая-то крепость – две огромные круглые башни, сложенные из гигантских валунов. Говорят, там-то и были самые богатые запасы – в бесконечных лабиринтах тёмных комнат.

Сжимаемая рукоять кинжала, Де Варгас быстро пошёл наудачу, почти пригнувшись: где, где варвары спрятали золото? Его встречали тёмно-красные стены, склады жалких дротиков и стрел, комнаты с мерцавшими тканями, запасы еды, пугливые фигуры, шарахавшиеся от него, как летучие мыши от огня. ... Болезнь сердца, излечимая только золотом, жгла нутро, рука всё злее сжимала сталь. Ещё одна комната. Безбородый старик выскочил в дверной проём, торопливо заговорил, пытаясь схватить де Варгаса за рукав потрёпанной куртки. Ага, вот где ты прячешь сокровища!

Солдат быстро сунул кинжал под ребро дикарю, отпихнул его согнувшееся вдвое тело – и шагнул в темноту. Мотки разноцветной пакли, разукрашенные деревяшки. Маленькое лицо, испуганно глянувшее из угла на де Варгаса. Золота не было и здесь.

– Варвары, – в бешенстве прошипел Гонсало, резко бросил в комнату горящий факел и долго смотрел, как весело потрескивала под красными огоньками разноцветная пакля.

* * *

Самым прекрасным было созвездие Чёрной Ламы. Она выходила на Млечный Путь, чуть пугливо, недоверчиво озираясь на Лиса, пригнувшись к прозрачному колкому воздуху ночных гор. Потом за матерью робко появлялся мохнатый детёныш – и восьмилетний Теуотихи каждый раз невольно сжимался: ему казалось, что глаза Лиса наливаются красным, и пушистый зверь начинает тихо подкрадываться к малышу, аккуратно ступая по острым песчинкам звёзд. Тогда весь мир замирал, и ждал...

По ночам Теуотихи часто смотрел на небо – он безумно хотел увидеть, как Чёрная Лама спустится на землю, чтобы напиться воды из моря. Она пойдёт по Млечному Пути мимо толстой жабы и могучего змея – а потом вдруг прыгнет вниз, словно с горного уступа, и мягко опустится на красную землю Детей Солнца. Теуотихи знал, что пить Лама должна непременно, иначе воды на земле будет слишком много и начнётся потоп – так сказал ему дядя Киспе-Сонко.

Дядя был самым мудрым из всех, кого знал маленький Теуотихи. Он хранил бесчисленные мотки чудесных историй – таких, от которых становилось тепло и грустно, а глаза начинали слезиться, как от едкого дыма. И название у этих мотков было мягкое, ласковое, словно пух – «кипу». Разматывая длинные цветные нити, дядя умел вызывать слова о творце Виракочу, населившем мир – и Теуотихи видел, как первые люди

выходят из вод огромного озера, раздвигая упругий жёлтый камыш у самого берега. А если Киспе-Сонко разворачивал знакомый моток, украшенный ракушками с далёкого побережья, то начинала мерно струиться грустная история о достойном пастухе и дочери Солнца. Сказаний было множество – и вслед за неспешным старческим речитативом Теуотихи бесконечно повторял их про себя, даже когда не совсем понимал, о чём говорят эти волшебные нити.

Но больше всего мальчик любил маленькие пёстрые мотки, полные весёлых историй. Он радостно хихикал каждый раз, когда лукавая морская свинка уговаривала глупого крестьянина: «Не ешь меня, я вовсе не свинка, а просто работник: маленький-маленький, но очень ловкий и способный». Так ярко видел Теуотихи умные круглые глазки, так ясно слышал плутоватый голосок. Но прекраснее всего была сказка о лисе, одолжившем у птицы клюв: как же радовался рыжий музыкант прекрасным звукам, как весело пускались в пляс на полянке два полосатых скунса!

Только с недавнего времени дядя Киспе-Сонко стал рассказывать новые истории – страшные и нелепые. Будто движутся по красной земле зловещие чужаки: их шерстяные лица похожи на морды лам, они едут верхом на невиданных зверях, и знают, как извергать смертельный огонь из палок. Но при столь огромной силе они безумны: носят на головах поваренные котлы, которыми никогда не пользуются. Они не чтут ни прародительницу Пачамаму, ни духов гор Апу, ни самого Инти, бога Солнца. Варвары, без короля и законов.

Киспе-Сонко стал печален, подолгу задумывался, глядя на пёстрые мотки, беззвучно и озабоченно шептал себе что-то. Он всё чаще сплетал длинные нити в чудесные узелки, и Теуотихи понимал, что дядя создаёт новые кипы, пытаясь сохранить рассказ об этих тревожных временах. Всё настойчивей Киспе-Сонко велел мальчику повторять заученные истории, ласково поправлял ошибки, тихо подсказывал. Иногда старик обходил тёмные коридоры хранилища, прислушивался к звукам.

...Ночь выдалась холодной, и малыш, сжимаясь в комочек под тяжёлыми одеялами, видел, что дядю лихорадит. Проснулся Теуотихи от шума: за стенами слышались крики, звучала странная речь. Он вскочил, и забился в тёмный угол, чтобы не мешать Киспе-Сонко, озабоченно шагающему по хранилищу от одной полки кипы к другой. Вдруг крики раздались уже здесь, совсем близко. Кто-то тяжёлый и страшный шёл по коридору, гулко звенел металл. Киспе-Сонко метнулся к двери – и перед ним

возник чудовищный незнакомец огромного роста: чёрная волосатая морда, мясистый нос, дикие глаза.

– Пожалуйста, господин! Мы накормим, мы дадим золота, – торопливо заговорил старый хранитель, пытаясь схватить ужасного незнакомца за рукав, увести от бесценных кипу, отвлечь.

Блеснул серебристый металл – и дядя Киспе-Сонко тихо согнулся вдвое у самой двери. Мохнатое чудовище в блестящих одеждах шагнуло в комнату. По-звериному круглые глаза равнодушно пробежали по моткам древних кипу, по деревянным таблицам, по испуганному мальчику, вжавшемуся в угол. Вдруг чудище издало страшный рык – непонятный, но, казалось, осмысленный – и от этого стало невыносимо жутко.

Метнулось пламя – огромная лапа резко швырнула факел в самую середину священных кипу, и они тут же загорелись, тихо и весело потрескивая. Красные язычки беспечно плясали по древним сказаниям о сотворении мира, по учётным спискам из разных углов империи, по рассказам о небесных светилах. Горели прекрасные мотки с ракушками, унося в небытие сказку о достославном пастухе и дочери Солнца.

Проворный огонёк подкрался к пёстрым нитям, алчно пожирая весёлых скунсов, хитрую морскую свинку и пушистого лиса, самозабвенно распеваящего звонкие песни. Наконец чудовище закашлялось и вышло, задев рыжим сапогом недвижимое тело Киспе-Сонко.

Только тогда узкие глаза Теуотихи наполнились слезами. От жёсткого дыма. От того, что дядя Сонко неподвижно лежал у дверного проёма. И ещё потому, что мягкая Чёрная Лама уже никогда-никогда не захочет спуститься на эту землю.

– Варвары, – сдавленно прошептал последний маленький кипу. – Варвары...